
B 1,331,290
GR
190
.P44
1894a

Изданіе редакціи журнала «Библіографъ» (Н. М. Лисовскаго).

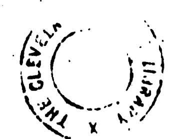
КЪ ИСТОРІИ
РУССКОЙ
НАРОДНОЙ СКАЗКИ

СРАВНИТЕЛЬНЫЕ ЭТЮДЫ.

В. Н. Перетцъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Исидора Гольдберга, Екатерин. кан., № 94.
1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ 10 Августа 1894 г.

8000

Peretts, Vladimir Nikolaevich, 1870-
Къ исторіи русской народной сказки, сравнительные этюды. [K istorii russkoY narodnoY skazki...] [On the history of Russian folk-tales, a comparative study] С.-Петербургъ, тип. И. Гольдберга, 1894.
35p.

Къ исторіи русской народной сказки.

(Сравнительные этюды).

Русская народная сказка, во всемъ ея объемѣ, представляетъ собой одно изъ самыхъ сложныхъ литературныхъ явленій. Вытекая изъ врожденной человѣчеству любви къ разсказамъ о всемъ чудесномъ и занимательномъ и ведя свое начало изъ глубокой древности народная сказка сосредоточиваетъ въ себѣ самые разнообразные элементы, черпая по возможности свой повѣствовательный матеріалъ изъ самыхъ разнообразныхъ источниковъ.

Останавливаясь на исторіи русской народной сказки и анализируя содержаніе послѣдней, мы замѣчаемъ слѣдующіе, обрисовывающіеся передъ нашими глазами, элементы ея.

На первомъ мѣстѣ мы находимъ элементъ бытовой, прикрѣпляющій сказку къ народности, среди которой она развилась: это черты русскаго быта съ древнѣйшихъ временъ, отразившіяся въ сказочныхъ сюжетахъ и въ подробностяхъ ихъ изложенія. Сюда же отнесемъ и моральную окраску въ духѣ нашей народности, замѣчаемую даже въ явно заимствованныхъ сказкахъ.

Второй элементъ — рядъ заимствованій, какъ въ частностяхъ такъ и въ цѣлыхъ сказочныхъ схемахъ, взятыхъ изъ устной и письменной словесности сосѣднихъ и сродныхъ народовъ. Этотъ элементъ является для насъ наиболѣе интереснымъ и опредѣленіе его послужитъ цѣлью послѣдующихъ очерковъ.

Впродолженіе многовѣковаго существованія наши предки подвергались вліяніямъ разнообразныхъ теченій, шедшихъ отъ сосѣднихъ

народовъ. Изъ этихъ теченій отмѣтимъ три наиболѣе существенныя и важныя.

1) Самое древнее, совпадавшее съ торговыми путями, теченіе шло изъ центра восточнаго міра, изъ арійской прародины славянъ—изъ Индіи и сопредѣльныхъ ей странъ. Ему мы обязаны большимъ запасомъ сказокъ о животныхъ и многими чертами нашего былиннаго эпоса.

2) Другое теченіе, слѣды котораго уже закрѣплены въ памятникахъ средневѣковой литературы,—шло изъ Византіи главнымъ образомъ черезъ посредство южныхъ славянъ, первыхъ нашихъ учителей на пути христіанскаго просвѣщенія. Это теченіе принесло къ намъ массу повѣствовательнаго матеріала въ церковныхъ книгахъ: въ Прологѣ, Патерикахъ, затѣмъ въ Палеѣ и наконецъ—цѣлый христіанскій религіозной эпосъ — апокрифическія сочиненія самаго разнообразнаго содержанія.

3) Послѣднее изъ отмѣченныхъ нами теченій, повліявшихъ на составъ русской сказки, обнаружившееся, быть можетъ, позже другихъ, шло черезъ Польшу съ запада Европы. Оно обновило нашу повѣствовательную литературу свѣжей струей, внеся въ нее цѣлый рядъ рыцарскихъ романовъ, возникшихъ на чуждой древней Руси почвѣ феодальнаго строя западно-европейской жизни; оно же принесло въ нашу литературу запасъ поучительныхъ и забавныхъ повѣстей и анекдотовъ.

Всѣ эти теченія отмѣчены въ исторіи развитія русской литературной повѣсти; они же отразились, едва-ли не болѣе ярко, и въ народныхъ сказкахъ. Ниже мы путемъ анализа прослѣдивъ въ литературной исторіи двухъ сюжетовъ развитіе вышеназванныхъ элементовъ, укажемъ: заимствованія изъ византійскаго и западнаго источниковъ и остатки древняго русскаго и даже общеславянскаго быта.

I.

Народныя сказки и апокрифы объ испытаніи жены.

Взаимныя отношенія нашей старинной литературы до-петровской эпохи и народной поэзіи много разъ уже являлись предметомъ изслѣдованія. Нѣкогда, приступая къ обозрѣнію старинныхъ сказокъ и повѣстей, А. Н. Пыпинъ задалъ такой вопросъ: «Въ какомъ отношеніи находилась поэзія народная по содержанію и по формѣ

къ памятникамъ книжной литературы?» На него онъ отвѣтилъ отрицательно: народная поэзія... «не имѣла существенной связи съ явленіями книжной литературы». [1]) Теперь, послѣ многочисленныхъ изслѣдованій, показавшихъ, что не только содержаніе, но даже форма [2])многихъ произведеній народнаго творчества сложилась подъ сильнымъ книжнымъ вліяніемъ—мы не можемъ оспаривать существованія этой связи. Напротивъ, теперь мы должны признать, что она была довольно прочной и что взаимное вліяніе народной поэзіи и книжной литературы было весьма значительно. Правда, допетровская книжная литература не особенно благосклонно относилась къ народной поэзіи, съ точки зрѣнія узкоцерковной видя въ ней нѣчто языческое, достойное осужденія; но и тогда уже народнопоэтическій элементъ проникаетъ постепенно въ лѣтописи [3]), въ житія святыхъ [4]), особенно русскихъ, гдѣ мы находимъ много подробностей, взятыхъ изъ области народныхъ преданій и разсказовъ. Съ другой стороны книжная литература отразилась въ духовныхъ стихахъ, думахъ и въ сказкахъ. Это вліяніе было вполнѣ естественнымъ: древнерусскій читатель, какъ и современный читатель изъ крестьянъ, удовлетворялся лишь религіознымъ, или имѣющимъ таковой характеръ, чтеніемъ. Помимо поэзіи, древній читатель искалъ еще назидательности, стараясь согласно словамъ Христа «Искать прежде царствія Божія и правды Его (Ев. отъ Матѳ. гл. VI, 33). Достиженіе царствія Божія было идеальнымъ завершеніемъ праведной жизни, и это обстоятельство вполнѣ объясняетъ пристрастіе нашихъ предковъ къ исключительно религіозному чтенію. Наиболѣе любимыми произведеніями древнерусскихъ грамотеевъ и начетчиковъ были разнообразныя и многочисленныя апокрифическія сочиненія, дополнявшія запасъ свѣдѣній, почерпаемыхъ изъ каноническихъ книгъ и порою отличавшіяся большими поэтическими достоинствами. Таковы, напримѣръ апокрифы: «Хожденіе Богородицы по мукамъ»,

---

[1]) А. Н. Пыпинъ. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ. Спб. 1858. стр. 15.

[2]) Напримѣръ форма думъ: „къ такому сложному роду поэзіи относятся, по нашему мнѣнію, народныя малорусскія думы. Онѣ представляютъ оригинальный плодъ народно-культурнаго творчества“. П. Житецкій. Мысли о народныхъ малорусскихъ думахъ. Кіевъ. 1893. стр. 2.

[3]) Н. Костомаровъ. Преданія первоначальной русской лѣтописи. Вѣстн. Европы, 1873 г. № 1, 2, 3.

[4]) В. Ключевскій. Древнерусскія житія святыхъ какъ историческій источникъ. М. 1872 г., стр. 287 и passim.

«Видѣніе ап. Павла» и другіе. Апокрифическія сочиненія другого рода различныя пренія въ мудрости, разнообразные діалоги, въ которыхъ обсуждались и рѣшались замысловатые вопросы — не менѣе интересовали древнерусскаго читателя.

Прибавимъ къ сказанному, что произведенія древней литературы отличались громадной живучестью. Въ то время какъ мы въ погонѣ за новыми впечатлѣніями скоро забываемъ произведенія даже крупныхъ, выдающихся по своему таланту, писателей, древнерусскій читатель въ продолженіи вѣковъ читалъ однѣ и тѣ же повѣсти и житія, которыя въ этомъ вѣковомъ вращеніи интересовали громадный кругъ читателей, будучи занимательными равнымъ образомъ для всѣхъ классовъ общества, не оторванныхъ искусственно одинъ отъ другаго ни образованіемъ ни условіями жизни. Вслѣдствіе этихъ и вышеуказанныхъ причинъ многія изъ произведеній древнерусской книжной литературы перешли въ народъ и продолжаютъ среди него свое существованіе въ видѣ сказокъ и пѣсенъ. Въ одной изъ нашихъ статей мы уже упоминали объ отраженіи житійныхъ чертъ въ народной пѣснѣ [1]); теперь нашей задачей будетъ изслѣдованіе литературной исторіи русской народной сказки, повѣствующей объ испытаніи женской вѣрности, женскаго постоянства. Эту сказку мы имѣемъ въ двухъ редакціяхъ—одна записана нами лично въ Новгородской губерніи, другая находится въ собраніи русскихъ сказокъ Худякова.

Разыскивая источники этихъ двухъ сказокъ, весьма сходныхъ во многихъ чертахъ, мы находимъ рядъ параллелей, начиная съ легендъ и апологовъ Талмуда, кончая Палеей и западно-европейскими сборниками поучительныхъ и смѣхотворныхъ разсказовъ. Общая черта объединяющая ихъ — сходство съ эпизодомъ апокрифическихъ судовъ царя Соломона.

Для выясненія источниковъ происхожденія нашихъ сказокъ мы начнемъ нѣсколько издалека. Литературная исторія сюжета, интересующаго насъ, затронута лишь отчасти. О немъ между прочимъ говоритъ акад. А. Н. Веселовскій, сообщая кое-какія указанія преимущественно на западно-европейскій матеріалъ, но, не анализируя его ссылается на книгу Dunlop'а въ обработкѣ Либрехта. Насъ интересуетъ исторія этого сюжета съ тѣхъ поръ, какъ онъ появляется на европейской почвѣ, преимущественно на востокѣ Европы: западнымъ матеріаломъ мы будемъ пользоваться лишь постольку, поскольку

---

[1]) Библіографъ, 1893 г., вып. I, стр. 59.

это будетъ необходимо для выясненія путей появленія у насъ въ сказочномъ обиходѣ народа двухъ редакцій нашего сюжета.

Мы уже замѣтили что сюжетъ, «испытанія женской вѣрности» встрѣчается въ судахъ Соломона; ниже мы убѣдимся въ этомъ чрезъ сравненіе текста апокрифа съ текстомъ сказки. Теперь замѣтимъ лишь, что, по мнѣнію ученыхъ, личность Соломона, каковой мы ее находимъ въ апокрифахъ, далеко не соотвѣтствуетъ историческому Соломону. Къ историческимъ фактамъ примѣшалось много новаго, затемнившаго и измѣнившаго истинный образъ библейскаго царя Соломона.

По мнѣнію Бенфея на историческаго Соломона были перенесены сказанія о Викрамадитьѣ, героѣ индійской поэмы Викрамачаритры, а затѣмъ они чрезъ посредство мусульманъ проникли и въ Европу [1]). А. Н. Веселовскій, оставляя въ сторонѣ гипотезу о мусульманахъ, какъ посредникахъ въ переходѣ Соломоновской саги на европейскую почву, указываетъ на возможность иныхъ путей заимствованія. Въ Соломоновскихъ судахъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ, онъ находитъ явныя черты индійскихъ сказаній о Викрамадитьѣ. Легенды о Соломонѣ весьма сложны; онѣ — продуктъ разнообразныхъ вліяній; въ нихъ слились черты иранскаго эпоса и народныя еврейскія воспоминанія о Соломонѣ: «Евреи принесли со своей стороны повѣсть объ историческомъ Соломонѣ, о его славѣ и силѣ, о его преніяхъ въ мудрости, о построеніи имъ храма, о его гордости и паденіи. Къ этимъ историческимъ даннымъ легко примыкалъ сказочный матеріалъ, первоначально развившійся на чуждой почвѣ» [2]).

Сюжетъ, схема, по которой построенъ апокрифъ «Суды Соломона», быть можетъ дѣйствительно восточнаго, индійскаго происхожденія, Съ теченіемъ времени онъ, передаваясь изъ устъ въ уста, передѣлываясь и пополняясь, обогащался новыми эпизодами, примыкавшими совершенно естественно къ основной мысли произведенія — показать мудрость героя въ рядѣ мудрыхъ рѣшеній задаваемыхъ ему трудныхъ вопросовъ и задачъ. Однако, разсматривая развитіе сказанія о мудрыхъ судахъ Викрамадитьи, послужившаго главнымъ матеріаломъ созданія судовъ Соломона, мы не находимъ эпизода объ испытаніи

---

[1]) Pantschatantra, I. p. 129—30. А. Веселовскій. Изъ исторіи литературнаго общенія востока и запада. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ и западныя легенды о Морольфѣ и Мерлинѣ. Спб. 1872, стр. 7 — 8.

[2]) Ibid. стр. 127.

женской вѣрности. Отсюда съ нѣкоторымъ основаніемъ смѣемъ считать его возникшимъ на еврейской почвѣ. Вотъ этотъ разсказъ о Соломоновомъ испытаніи женской вѣрности, какъ сообщаетъ его еврейскій источникъ [1]). Передаемъ его въ болѣе подробномъ пересказѣ нежели доставленный А. Н. Веселовскому проф. Бенедетти. [2])

Однажды царь Соломонъ по наитію святаго духа произнесъ: «я нашелъ въ тысячѣ мужа мудраго, въ тьмѣ числомъ не нашелъ жены мудрой ни одной». Синедріонъ и народъ удивлены. Соломонъ же, желая доказать справедливость своихъ словъ, говоритъ: «отыщите мнѣ изъ славнѣйшихъ города красивѣйшую и достойнѣйшую жену, и чтобы мужъ ея превосходилъ всѣхъ». Такую пару нашли. Соломонъ, призвавъ мужа, сказалъ ему: «хочешь быть начальникомъ дворца? Когда тотъ отвѣтилъ утвердительно, Соломонъ сказалъ слѣдующее: «въ такомъ случаѣ въ эту ночь умертви свою жену и принеси мнѣ ея голову, а завтра я выдамъ за тебя замужъ свою дочь и сдѣлаю тебя главой надъ евреями».

Когда мужъ пришелъ домой онъ былъ очень печаленъ. Жена, увидя его скорбь, спросила, что съ нимъ. «У меня забота на сердцѣ», отвѣчалъ онъ ей. Ночью, обнаживъ мечъ, подошелъ онъ къ постели съ намѣреніемъ убить жену; но увидя одного сына на груди у жены, а другаго подъ рукою ея, подумалъ: «должно быть сатана вошелъ въ сердце къ царю Соломону! Горе мнѣ: если я ее умерщвлю — и дѣти погибнутъ. Да прогонитъ тебя Богъ, сатана!» сказалъ онъ.

И вторично попытался онъ подойти къ спящей женѣ; — и увидѣлъ, что прядь ея волосъ спустилась и покрыла младенца. И опять жаль стало ему, и вложилъ онъ въ ножны мечъ свой.

Утромъ царскіе посланцы повели его къ царю Соломону, которому онъ и объявилъ, что не въ силахъ исполнить такого приказанія. Соломонъ сказалъ: «нашелся одинъ изъ тысячи».

Соломонъ 30 дней оставлялъ его въ покоѣ. Черезъ 30 дней царь призвалъ къ себѣ жену этого человѣка и говорилъ, что она прекраснѣе всѣхъ женъ на свѣтѣ и что онъ охотно взялъ бы ее за себя замужъ и сдѣлалъ первой своей бы женой. Одно лишь мѣшаетъ этому: — ея мужъ. Тогда женщина рѣшается убить мужа.

[1]) Dr. A. Jellinek. Betha-Midrasch. Sammlung kleiner Midraschim und vermischter Abhandlungen aus der älteren jüdischen Litteratur. Leipzig IV Bd. s. 146 — 148.

[2]) Журн. Мин. Нар. Просв. 1880 г. апр. стр. 299 — 300; здѣсь очень краткій пересказъ еврейскаго текста.

«Она убьетъ мужа дѣйствительно», рѣшилъ Соломонъ, и далъ ей мечъ изъ блестящаго олова, чтобы она не могла убить мужа. Она сочла его за настоящій, а Соломонъ прибавилъ: «положи только его на горло — и онъ самъ зарѣжетъ его. Она, повѣривъ, пошла съ мечемъ къ себѣ».

Дома вечеромъ жена ласково встрѣтила мужа: «садись вѣнецъ головы моей», сказала она ему. Мужъ, не имѣя никакихъ подозрѣній, обрадованъ ея ласками. Поѣли они и мужъ довольный спросилъ: «чего ты хочешь въ эту ночь?» — Хочу, чтобы ты веселился и выпилъ вина, отвѣтила коварная жена. И когда онъ, напившись, улегся и заснулъ, она, собравъ всѣ силы, взяла мечъ и стала рѣзать его, но ей удалось лишь поранить кожу. Мужъ проснулся и, угрожая разрѣзать жену на куски, допрашиваетъ, какимъ образомъ и по чьему наущенію она рѣшилась на подобный поступокъ. На другой день онъ повелъ ее къ царю Соломону и разсказываетъ, что случилось.

Царь засмѣялся и, поглядѣвъ на членовъ синедріона, повторилъ свое изреченіе [1]).

Таковъ талмудическій разсказъ, принадлежащій къ числу весьма популярныхъ въ еврейской средѣ; онъ уже въ древности былъ переносимъ въ различные сборники поучительныхъ и забавныхъ разсказовъ и уже около 1036 года онъ встрѣчается въ «Собраніи легендъ и разсказовъ» раввина Ниссима [2]).

Въ первые вѣка христіанства, отъ евреевъ къ христіанамъ перешло много книгъ, повѣствовавшихъ о библейскихъ лицахъ, помимо каноническихъ. Въ числѣ другихъ еврейскихъ апокрифовъ перешли въ греко-византійскую литературу и суды Соломона.

Но, какъ ни странно, такой въ послѣдствіи распространенный и популярный апокрифъ, какъ суды Соломона, не дошелъ до насъ въ греческихъ переводахъ византійскаго періода. Однако сомнѣваться въ томъ, что онъ былъ извѣстенъ въ греческой литературѣ мы не имѣемъ основаній. Ниже мы увидимъ, что онъ помѣщался въ славянской Толковой Палеѣ, памятникѣ очевидно византійскаго происхожденія. Оставивъ на время славянскія редакціи интересующаго насъ эпизода судовъ Соломона обратимся къ редакціямъ западноевропейскимъ, давшимъ также свое отраженіе въ русскихъ народныхъ сказкахъ.

---

[1]) Сообщеніемъ этого подробнаго пересказа мы обязаны уважаемому А. Я. Гаркави, которому и выражаемъ свою признательность.

[2]) Ж. М. Н. Пр. 1880 г. апр. стр. 299.

Въ западноевропейской обработкѣ эпизодъ апокрифическихъ судовъ Соломона объ испытаніи женской вѣрности вошелъ въ сказанія о Морольфѣ. Морольфъ въ бесѣдахъ съ Соломономъ является ярымъ противникомъ и ненавистникомъ женщинъ; его выходки противъ нихъ могутъ сравниться по своей рѣзкости съ таковыми же греческихъ и нашихъ старинныхъ ненавистниковъ и обличителей женскихъ пороковъ [1]). Женщина въ своей ловкости можетъ превзойти чорта по мнѣнію Морольфа. Высказавъ

Wie eyn bose wypp umbdreit
Den dufel mit behendigkeit

Морольфъ въ подтвержденіе своего мнѣнія разсказываетъ слѣдующую новеллу.

Жили были мужъ, и жена, отличавшіеся такой добродѣтельной жизнью, что чорту, несмотря на всѣ его уловки, не удалось ихъ поссорить. Онъ идетъ на поклонъ къ злой женѣ, которая сначала глумится надъ нимъ, но потомъ обѣщаетъ все устроить — за пару новыхъ башмаковъ. Жену она увѣряетъ, что мужъ ей не вѣренъ, водится съ другими; средство противъ этого — обрѣзать у него ножемъ волосокъ подъ горломъ, когда онъ будетъ спать. То же самое разсказываетъ она мужу о женѣ: она любитъ другаго и еще сегодня ночью пристанетъ къ мужу съ ножемъ къ горлу, желая извести его. Тотъ повѣрилъ навѣту и прикидывается спящимъ; когда жена подошла къ нему съ ножемъ, желая достать средство, указанное старухой, ему представляется, что она въ самомъ дѣлѣ хочетъ убить его, и онъ самъ забиваетъ ее до смерти. [2])

По мнѣнію А. Н. Веселовскаго эпизодъ вставленъ позднѣе, такъ какъ не встрѣчается въ дошедшихъ до насъ латинскихъ редакціяхъ повѣсти о Соломонѣ и Морольфѣ, и кромѣ того — вся повѣсть вѣроятнѣе всего составлена на основаніи какого-то прозаическаго нѣмецкаго разсказа, хотя въ ней и есть указанія на то, что она — переводъ съ латинскаго. [3])

Намъ кажется, что отсутствіе этого эпизода въ латинскихъ

---

[1]) Срвн. Слово Даніила Заточника. (Памятники Древн. Письм. LXXXI. 1889) и Притчу о женской злобѣ. (Памятн. старинной русской лит. вып. II стр. 461).

[2]) V. d. Hagen und Büsching. Deutsche Gedichte des Mittelalter, Solomon und Morolf. v. 911 u. 599.

[3]) А. Н. Веселовскій. Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ, стр. 264.

текстахъ извѣстныхъ намъ, далеко не доказываетъ, что вообще не существовало такихъ текстовъ, гдѣ бы можно было найти эпизодъ объ испытаніи въ вѣрности. Цитированный выше разсказъ правда довольно значительно удалился отъ еврейскаго оригинала, но это одно изъ явленій весьма обычныхъ: на западѣ апокрифическій матеріалъ, а въ частности Соломоновскіе апокрифы разработывались весьма свободно, гораздо свободнѣе, чѣмъ на востокѣ, гдѣ наблюдается пристрастіе къ большой точности воспроизведенія пересказываемой легенды. Оставляя въ сторонѣ другія западныя передѣлки и пересказы нашего эпизода, указанныя въ трудѣ Dunlop'а и Liebrecht'а [1]) обратимся къ той обработкѣ, которая намъ представляется наиболѣе подходящей, какъ къ приведенному выше разсказу Морольфа, такъ и къ русской сказкѣ.

Болѣе новую и пространную разработку того-же сюжета мы находимъ въ громадномъ сборникѣ новелъ и повѣстей, составленномъ H. W. Kirchhof'омъ [2]), гдѣ въ семи книгахъ собранъ богатый сказочный матеріалъ изъ устныхъ и письменныхъ источниковъ. Здѣсь мы имѣемъ разсказъ объ одной женщинѣ, которая была хуже и злѣе самаго дьявола.

Чѣмъ божественнѣе, честнѣе и полезнѣе идутъ дѣла на землѣ, тѣмъ болѣе ненависти возбуждаетъ это въ діаволѣ, и если онъ не можетъ уничтожить всего этого, то по крайней мѣрѣ старается причинить какъ можно больше непріятностей и досады. Но кромѣ постоянной его вражды къ истинной вѣрѣ, никому другому не осмѣливается онъ причинять столько досады и разстрайства, какъ супругамъ. Послѣ этаго вступленія сообщается слѣдующій разсказъ:

Man saget [3]), wie zwey junge leutlein, nachdem sie in ehestand zu-

---

[1]) J. Dunlop's Geschichte der Prosadichtungen übertragen u. vermehrt v. F. Liebrecht. Berlin 1851. стр. 503.

[2]) Писатель середины 16 вѣка; его трудъ переиздалъ Oesterley „Wendunmuth“ v. Haus Wilhelm Kirchhof hsggb. H. Oesterley. I Buch, № 366. s. 402 (Bibliothek des litterarischen Vereins in Stuttgart XCV).

[3]) Разсказываютъ, что двое молодыхъ людей послѣ ихъ бракосочетанія начали жить вмѣстѣ благочестливо, дружно и согласно, такъ что каждаго изъ нихъ только и заботило, какъ бы не обидѣть чѣмъ нибудь другого, что конечно было величайшей досадой для стараго змія, завистливаго дьявола, и послѣ того, какъ онъ самъ безуспѣшно испробовалъ нѣсколько способовъ, онъ придумалъ еще воспользоваться чужою помощью и сдѣлалъ такъ: онъ пробрался къ одной старой женщинѣ, разсказалъ ей о своемъ предпріятіи съ требованіемъ, чтобы она постаралась разлучить двухъ названныхъ выше, или поселила-бы между ними ссоры и разладъ, за что онъ ей обѣщаетъ въ награду пару новыхъ башмаковъ. Старая вѣдьма отпра-

sammen kommen, auffs gottseligst, freundlichst und eyntrechtigklichst bey einander gewohnet haben, also, dass immer diss besorgte, das es sein gemahl erzürnen möchte, ist solchs der alten schlangen, dem neidigen teuffel, ein grosser schmertz gewezen, und nach mancherley gesuchten wegen, die er für sich selber angestifftet, gedachte er sich weiterer und frembder hülffe zů gebrauchen und thet im also: er fügte sich zů einem alten weib, zeigte der sein vorhabens an, mit begeren, dass sie sich in solchem werck, die zwey vorgenennte von einander zů bringen, oder ja zwyspalt und hader zwischen sie zů säen, solte befleissen, dargegen er ihr ein neuwes bar schůch zu lohn versprache. Die alte wettermacherin gieng hin, und thete als eine, die ir zusag leisten wolte, redet den mann darumb zum ersten also an: Lieber nachbauwr, die freundschafft, so zwischen euwern lieben eltern seligen und mir allweg, auch das ich euch von euwer jugendt auf, euwer frommigkeit halber günstig gewesen, haben mich erinnert, das ich auch noch jetzt gern euwern schaden und höchste gefahr wolte verhuten. Wie nun der mann erschrocken sie baht, im doch, was sie wüsste, zu eröffnen, autwortet sie: Hertz allerliebster freund, ich hab sorg, ich werd umb euch kleinen dank verdienen, weil es die antrifft, die euch die liebste ist auff erden, doch mag ichs euch nit verschweigen und weiss gewis, das euwer hauss-

---

вилась къ нимъ и, желая сдержать свое слово, поступила такъ: она сначала обратилась къ мужу съ такою рѣчью: „Любезный сосѣдъ, дружба моя съ вашими покойными родителями, и то, что я съ вашего дѣтства была благосклонна къ вамъ за ваше благочестіе, напомнили мнѣ, что я и теперь должна предостеречь васъ отъ вреда и величайшей опасности“. Когда же мужъ испуганно попросилъ ее открыть ему то, что она знаетъ, она отвѣчала ему: „Любезнѣйшій другъ, я думаю я заслужу отъ васъ маленькую благодарность, такъ какъ это касается той, которая вамъ дороже всего на свѣтѣ, но я не умолчу, ибо знаю навѣрное, что ваша хозяйка, какъ она ни лицемѣритъ передъ вами,—имѣетъ мысль васъ убить, только бы ей представился удобный поводъ и мѣсто; поэтому присматривайте хорошенько за нею, такъ какъ я знаю тѣхъ, съ которыми она объ этомъ совѣтовалась“. Мужъ поблагодарилъ женщину за ея вѣрность и отпустилъ ее. „На половину башмаки заработаны“, говорила старая вѣдьма. Затѣмъ вскорѣ забралась она въ садъ, къ женѣ этого человѣка и обратилась и къ ней съ такими же льстивыми и коварными словами, говоря, что ее сильно огорчаетъ и заботитъ, что такая молодая женщина обречена на несчастіе и должна ожидать невѣрности отъ своего мужа. „Такъ вотъ зачѣмъ я къ тебѣ теперь и пришла“.— Ахъ, Боже мой, воскликнула молодая женщина: какъ я могу предположить дурное о моемъ хозяинѣ, который только и дѣлаетъ мнѣ одно хорошее и пріятное! — „Да милое дитя, все это правда, что онъ такъ поступалъ до сихъ поръ, но соблазнъ въ этихъ дѣлахъ очень много

frauw, wie gleissnerisch sie sich gegen euch stellet, im sinn hat, euch umbzűbringen. wo ir nur gereume ursach und platz mag darzu gegeben werden; derwegen mögt ir euch wol fürsehen, dann ich weiss die, die es mit ir berahtschlagt haben. Der mann danckte dem weib seiner treuw und liess es von sich. Halber sein die schűch verdienet, sprach die böse vettel zu ir selber, trolte sich derhalben den nechsten zu dieses frauwen in iren garten, redet derselbigen mit gleichen geschmierten und listigen worten zu, wie sie es so sehr mühet und kümmert, dass sie, noch so ein jung mensch, solte in unglück kommen und von irem eigen mann soviel untreuw gewertig seyn. Dannenher ich auch, sprach sie, dissmals su dir komme. Ach, lieber gott, autwort die junge, wie kan ich meinem hauswirt args zuvertrauwen, der mir nichts denn alles liebs und guts beweiset? Ja, liebes kind, sagte die alte, diss ist alles war, dass er es noch bissher also gethon, aber verreitzung bringt in diesen dingen viel zűwegen, welcher er auch zuviel verhengt und glauben darein setzt. Were denn nicht zu verhoffen, sagte trauwrigklich das junge weib, wa man mittel und guter leut rat, damit sie in abweiseten vom bösen erbehten, das er ihn gehorchte? Autwort die alte: Auwe nein, mit nichten, darmit kempt ir desto mehr under das volk und böser leute gewesche; sicherer aber thu im also: Er hat unden an seinem kin

---

значитъ, а онъ ему слишкомъ поддается и довѣряется“. — „Значитъ нельзя надѣяться, сказала печально молодая женщина, что есть средства и совѣтъ добрыхъ людей, чтобы удержать его отъ злыхъ соблазновъ, которымъ онъ подпадаетъ“. — Увы нѣтъ, никакъ нѣтъ, этимъ вы еще болѣе подвергнетесь молвѣ и пересудамъ злыхъ людей; вѣрнѣе надо поступить съ нимъ такъ: у него есть внизу подбородка волосокъ трехъ цвѣтовъ, именно— внизу бѣлый, посерединѣ коричневый и передъ концомъ — черный; если бы ты могла (только такъ, чтобы ему не было извѣстно) отрѣзать его острымъ ножемъ, (такъ какъ для этаго не годятся никакія ножницы), тогда ты будешь безъ заботъ, что онъ впродолженіе всей жизни будетъ тебѣ вѣренъ и не будетъ слушаться никакихъ сплетниковъ. Я это говорю тебѣ потому, что у меня болитъ за тебя сердце, и я не могу удержаться, чтобы не спасти тебя моимъ искусствомъ отъ бѣды. Плача благодаритъ ее молодая женщина, идетъ домой и смотритъ каждодневно, какъ бы ей добыть отъ ея хозяина волосокъ; поэтому вскорѣ, когда онъ подъ хмелькомъ лежалъ на скамьѣ и отдыхалъ, жена рѣшилась отважиться, вышла изъ комнаты наточить ножъ, что мужъ слышалъ въ комнатѣ. Тихо и молча вошла она туда, чтобы не разбудить его, щупая его за шею. Тогда онъ подумалъ, что предостереженіе старой женщины вѣрно, вскочилъ, бранилъ свою жену убійцей и, еслибы она отъ него не ускользнула, убилъ бы её. Съ этихъ поръ вся ихъ дружба перешла въ такую ссору, которую никто не могъ уладить.

ein härlein von dreyerley farben, nemlich unden weiss, in der mitte braun und schwartz vorn am ende, köndtestu im das, damit er es nit gewar würde, mit einem scharpffen messer (dann keine scher darzu gehöret) abschneiden, werestu aller sorgen on, das er dich sein lebenlang verkehre, oder andern wäschern glaubte. Sihe, diss hab ich dir, der mich im hertzen jammert, nit wöllen verhalten, und dich mit meiner kunst vom unfall erretten. Weinende danckt ir die junge, gieng heim und trachtet teglich, wie sie von irem hausswirt möchte das har bekommen; derhalben, da er in kurtz hernach halber truncken auff einem banck lag und růwet, wolte es sein freuwlein wagen, gieng für die stuben, das messer wetzende, welches dann ir mann drinnen höret. Auff das sie in ja nicht erweckte, trat sie herzů stillschweigend, im am halss suchende. Dann zumal gedachte er dess alten weibs warnung war sein, wüschte auff, schalte seine frauwen ein mörderin und wo sie im nit entsprungen, wer er an ir zum todtschleger worden. Darauss hernach zwischen inen und irer gantzen freundschafft mehr hader, denn jemandt verschlichten kondte, entstunde.

Заканчивается этотъ разсказъ слѣдующей картиной: старуха отправилась за наградой къ рѣкѣ, гдѣ дьяволъ велѣлъ ожидать его. Здѣсь дьяволъ черезъ рѣку протянулъ ей на шестѣ обѣщанную пару башмаковъ, боясь подойти къ ней близко. На ея вопросъ, почему онъ такъ чуждается и сторонится ея, дьяволъ отвѣчалъ: «Потому, что не желаю имѣть съ тобой дѣла: ты придумала такую ловкую штуку, и если я буду вести съ тобой дѣла, то ты и меня обманешь своими льстивыми словами. Съ тѣмъ, кто злѣе меня — я долженъ быть осторожень».

Изъ подобныхъ отраженій Соломоновскихъ разсказовъ многія попали въ народныя книги. Извѣстное сочиненіе «Eulenspiegel заключаетъ въ себѣ также и разсказы изъ Соломоновскаго цикла. [1])

Одна изъ весьма распространенныхъ книгъ, переведенныхъ съ польскаго, заключающая въ себѣ повѣсти умилительныя, смѣхотворныя, а наряду съ ними — передѣлки апокрифовъ, именно, такъ называемое «Великое Зерцало» является богатымъ источникомъ, изъ котораго заимствовалъ русскій народъ въ лицѣ своихъ наиболѣе просвѣщенныхъ людей массу разсказовъ, перешедшихъ затѣмъ въ сказочный обиходъ простонародья. Великое Зерцало было переведено

---

[1]) А. Веселовскій op. cit. стр. 272, прим. и passim.

въ 1677 г. «по желанію и повелѣнію Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Алексія Михаиловича»... [1]), о чемъ мы знаемъ изъ предисловія къ одному списку (Синод. Б. № 100). Распространенное въ массѣ списковъ, оно видимо приготовлялось къ печати, но по неизвѣстнымъ причинамъ Великое Зерцало напечатано не было и до сихъ поръ остается неизданнымъ, хотя представляетъ значительный интересъ при изученіи русской повѣсти. Повѣсти Великаго Зерцала близко подходили къ духовно-назидательному направленію древнерусской литературы, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что онѣ являются довольно часто на страницахъ синодиковъ, весьма распространенныхъ въ древней, до-Петровской Руси.

Поэтому не представляется страннымъ считать однимъ изъ посредствующихъ звеньевъ въ передачѣ интересующаго насъ разсказа — Великое Зерцало и синодики, черпавшіе изъ него повѣствовательный матеріалъ [2]). Эпизодъ, повѣствующій объ испытаніи женской мысли, въ Великомъ Зерцалѣ обыкновенно носитъ слѣдующее заглавіе: «како не терпитъ врагъ, иде же союзъ любве и чесо собою творити не мощенъ, творитъ человѣки, паче же бабами». Приводимъ его по списку Великаго Зерцала Имп. Публ. Библ. (Буслаевское собраніе F., № 124, л. 23 об.—24., прилогъ 43; заглавіе: како нетерпитъ врагъ идеже союзъ любве).

Иде путемъ нѣкая жена стара, найде юношу сѣдяща прискорбна зѣло, и держаща на лонѣ мѣхъ сребра полный, и вопроси его баба она, чесо ради прискорбенъ сѣдиши, и очемъ печалуеши. онъ же рече: сотвори ми сей ч҃лкъ имя рекъ многа зла, азъ же за се хощу ему подати но не могу, домышляюся между симъ и женою его аще оубо и діаволъ есмь, но въ словесѣхъ не имамъ художества, не могу сего сотворити, чесого пожелаю. вѣмъ же честная жено яко ѕ҃ли твои дѣтелии, вдаю ти сребро сіе дабы ты сотворила яко же ми годѣ. баба же присягу ѿ діавола взя еже сребро ему дати ей: азъ рече по воли твоей сотворю. тогда она баба нача входити въ домъ ч҃лвка того, признася оубо и ввѣрися, а и до сего знаема бѣ ему. и помалу нача женѣ шептати г҃ля: мꙋ҃ рече твой вза-

---

[1]) Н. В. Владиміровъ. Великое Зерцало. Изъ исторіи переводной литературы XVII в. М. 1884 г. стр. V. Происхожденіе В. З. въ европейской латинской литературѣ и отношеніе его къ средневѣковымъ сборникамъ указано тамъ же.

[2]) Тамъ же стр. 87.

емное обѣщаніе ѿ тебе разруши. видехъ азъ рече нѣкую девицу к мужю твоему пришедшу прія нѣкую одежду за дѣло нечистоты. к мужю же шедши рече: сказуя, егда азъ быхъ о услужбы б҃жіи и стояхъ втайнѣ мѣстѣ, жена же твоя совѣщася наоскверненіе ложа с нѣкоимъ клирикомъ. И назнаменоваше мѣсто гдѣ имъ сшедшися, дѣло скверное содѣлати. таковый злыя баба злый начатокъ свады. его же всякои злобы художникъ діаволъ многими лукавыми способы совершити невозможе, сія вкраткоⷨ҇ времени сотвори. купивъ тайно сама нѣкую одежду, и посла к дѣвицѣ. Сія жена оузрѣвши бабы оуже словами нахнена все зло о мужи разумѣла. и егда на вечери в печали ясти не хотѣвшу мужу впадѣ иже о клирикѣ всумнѣніе. онемъ же ему баба сказа нача помышляти. и ѿтолѣ паче великій подзоръ нажену возъимѣ. и тако имъ пребывающимъ, паки же баба она припаде кженѣ яко бы ю зѣло жалѣя, и хотяще видѣти с мужемъ во б҃госовѣтіи, рече: знаю таковаго ч҃лка иже направитъ житіе ваше, азъ же хотѣхъ вамъ добра спрошахъ его о семъ. онъ же мнѣ сказа, дабы ты оу мужа тако могла своима рукама бритвою тайно брады оустрищи, и тѣ власы в яди мужу да подаси. и ѿтолѣ будетъ блудницы вненависти имѣти, а тебе паки зѣло любити начнетъ. и жена хотящи якоже и прежде любовь смужемъ имѣти, положи сіе во умѣ своемъ, и ожидая егда ляжетъ на ложи сіе оулучити. баба же пріиде к мужу, сказуя яко жена его согласившися склирикомъ хощетъ его тоя нощи ножемъ погубити. да имѣетъ себе в осторожности. пріидеже убо нощъ, жена его тайно бритву имѣющи с собою ляже. мужже лестно спя. она же потиху хотѣ власовъ оустрищи. мужже оухвати за руцѣ, нача вопити веліимъ гласомъ, и принесоша свѣтилники стекошажеся сосѣди, и сродницы позвани. бысть же распря и ропотъ великій. мужъ хотя жену пред судію вести, сродницы же и сосѣди не дающе сотворити сего, вѣдуще житіе чистое ихъ. и бысть брань и ропотъ веліи. Видѣвъ же діаволъ рече проклятой оной бабѣ, азъ оубо демонъ по естеству, и попеченіе сіе имѣхъ много лѣтъ, како бы мужа сего со женою свадити. тритцать бо лѣтъ сего искахъ и не улучихъ, ты же сію брань не во многи дни сотворити возможе. во истину имѣеши особный языкъ адскій и достойна тамо пріяти свою мзду, и восхитивъ ю з душею и тѣломъ занесе во адская мѣста. сіяже вся дадеся оувѣдати священнику добродѣтелну сущу, иже пришедъ научи мужа и жену, въ первую любовь пріиде.

Этотъ разсказъ встрѣчается и въ польскомъ текстѣ, переведенномъ съ латинскаго, что указываетъ намъ на литературную

судьбу разсказа [1]). Интересно замѣтить, что въ «Великомъ Зерцалѣ» нашъ разсказъ заимствованъ изъ книги «Scala Coeli», авторомъ которой былъ Iohannes Iunior, тогда какъ въ сборникѣ Wendunmuth Кирхгофа авторомъ ея названъ Iohannes Rhenanus. Видимо разсказъ былъ и на Западѣ весьма популярнымъ. Тексты западныхъ передѣлокъ и русскаго перевода весьма близки между собой. Бѣлорусскія сказки (числомъ двѣ), сообщаемыя П. В. Шейномъ, представляютъ тотъ же разсказъ, что и въ Великомъ Зерцалѣ и могутъ служить переходной ступенью въ развитіи нашего сюжета на народной почвѣ, Одна изъ этихъ сказокъ значительно ближе къ польскому и русскому текстамъ Зерцала. Вотъ она [2]).

Жили такъ сабѣ дзѣдка Игнатка, да яго жо́нка Уллянка; жили яны добро, якъ честныя людзи, николи ни билися, николи ни сварылися, на сябе гнѣва Божія не навлекали. Ужо намъ естъ вѣдома што чортъ естъ непріяцель чаловѣческій и стараецца звесьци яго ў грѣхъ [3]) такъ и тутъ енъ часто приходзіў и честныхъ людзей зводзіў, али ни-якъ ни могъ звесьци ни якимъ способомъ, кабъ яны хоця разъ колў побилися, або посварылися. Вотъ чортъ, бывало, кидаецца ў горшокъ вўжамъ, то жабою, то мышью и другими гнусными уродами, а жонка Уллянка, ни видзѣўши гэтого якъ бы нехоця подавала мужу свойму яду нечистую, а ўнъ пóтомъ николи и слова кепскаго не скажа, а церпиць якъ чаловѣкъ зъ честнымъ (зъ щирымъ) сэрцомъ [4]). Стараўся, трудзіўся чортъ лихого духу пусьциць мижъ ихъ, али нічóго не зробіўши ўнъ изсохъ якъ щепка, на ўмъ осталися только косьци да скура, волосў на головѣ поўстали дыбомъ, што на яго страшно былó и взглянуть, а коли и взглянешъ то заколоцишся якъ сухая осина». Отъ «вели-

---

[1]) П. В. Владиміровъ. Великое Зерцало, приложеніе № 3. стр. 63 № 53 (преимущественно встрѣчается въ соловецкихъ спискахъ В. З.); его же Къ изслѣдованію о Великомъ Зерцалѣ. Казань. 1885 г. стр. 24.

[2]) П. В. Шейнъ. Матеріалы для изученія быта и языка русскаго населенія сѣверозападнаго края, т. II. Спб. 1893. стр. 137, № 62. Сказка зап. ученикомъ Молодечнской учительской семинаріи Ив. Боровикомъ въ Минск. губ. застѣнкѣ Пасѣкъ. Запись носитъ слѣды литературнаго великорусскаго нарѣчія:

[3]) Сравн. выраженіе въ вступленіи повѣсти изъ сборника Kirchhof'а, цитированной выше нами.

[4]) Этихъ подробностей, равно какъ и ниже сообщаемаго описанія исхудавшаго съ тоски чорта — нѣтъ въ другихъ пересказахъ; это явно обычная сказочная амплификація.

каго жалю» пошелъ чортъ прочь отъ добрыхъ людей и встрѣтился съ вѣдьмой — старой бабой

Затѣмъ слѣдуетъ обычный разговоръ между ними. Баба за красные черевики соглашается поссорить мужа и жену. Сначала, справившись о здоровьѣ, баба заводитъ разговоръ съ женой, которой говоритъ (нѣсколько отличное отъ другихъ пересказовъ): «ци вѣдаешь, моя ты кобета, што я виджу за несчасцьця у васъ: у твойго мужа есть на головѣ *жовты* волосъ, одзинъ только помижъ черныхъ. — гэто першая твоя несчасцьця, бо мужъ твой отъ гэтого волоса захворѣя дый тую минуту умре, и мнѣ вельма шкода цябе и твойго мужа, бо вы добрые людзи, я чула отъ многихъ; я порäю (посовѣтую) табѣ што тутака зробиць: возьми, пришоўши до дому, бритву, сховай ў кишеню, да подговарывай мужа, штобъ ёнъ подстригъ свое волосы, такъ якъ яны ужо былй вялики. Коли только ёнъ ня будзе хоцѣць, такъ ты яго, якъ знаешъ, уговаривай, бо будзе табѣ бѣда вѣчная; а коли только ёнъ согласицца, то ты пошукаўши тайкомъ того волоса, дай вырѣжъ бритвой и старайся якъ можно скорѣй, бо гэто штука вѣдомая гэто лихо не нашаго Бога».

Далѣе вѣдьма предупреждаетъ мужа о мнимой опасности, говоря, что жена хочетъ его зарѣзать бритвою. Однако въ бѣлорусскомъ пересказѣ не указывается причина этого покушенія — связь съ клирикомъ (Велик. Зерцало) или соблазнъ выйти замужъ за царя (Betha-Midrasch). Мужъ притворяется, будто ничего не подозрѣваетъ, и когда жена пытается обрѣзать волосъ — онъ отбираетъ у нее бритву и начинаетъ бить ее: «Ахъ якъ жа сходзилася шура, бура, якъ прилядѣў чортъ, да якъ стаў зъ радосьци скакаць подъ вокномъ гэтыхъ людзей, што ажъ хата колоцицца и подросъ чортъ ў дзвѣ часьци якъ быў, ни вѣдая отъ радосьци, што и робиць» — эпизодъ, котораго не находимъ въ соотвѣтствующихъ мѣстахъ другихъ переложеній.

Заключеніе бѣлорусской сказки разнится отъ повѣсти Великаго Зерцала и ближе всего походитъ на анекдотъ Wendunmuth'а: «што гэто за баба, думаетъ чортъ, што мудрѣй чорта; дый боицца, штобъ яна и яго ня звела. Вотъ купиу ёнъ бабѣ-вѣдзьмѣ ў подарокъ чаровики, што ёнъ даўно ей обѣщаў» — но ему страшно съ нею встрѣтиться. Тогда онъ «али зъ вяликой боязни, альбо страху, ўзяў доўгую и вельма тонкую жордку, на которую повѣсіў свое новые чаровики и, якъ осина колоцяся, понесъ къ вѣдзьмѣ ў подарокъ и то отдаваў ихъ, на дыбочки стаўши, а якъ только отдаў,

такъ изъ страху вялыкаго ў мора наў и больше къ бабѣ на совѣтъ не встаў».

Другая сказка, сообщаемая П. В. Шейномъ [1]), записанная гораздо лучше и точнѣе, безъ внесенія великорусскаго элемента въ языкѣ, излагаетъ нашъ сюжетъ въ болѣе живой діалогической формѣ, но ничего ни прибавляетъ къ извѣстнымъ уже подробностямъ бѣлорусскаго пересказа, кромѣ указанія на то, что жена не уговариваетъ мужа подстричь его, а ищетъ въ головѣ (срв. великор. сказки). По своей краткости эта послѣдняя сказка ближе всего подходитъ къ великорусской сказкѣ сборника Худякова.

Сравнивая эту повѣсть западнаго извода съ слѣдующей русской народной сказкой, мы придемъ къ заключенію о степени зависимости русскаго текста отъ выше указанныхъ западныхъ образцовъ.

Жилъ былъ мужъ съ женой; жили они хорошо. Ходилъ мужичекъ [2]) смущать ихъ три года, не могъ ихъ смутить. Жидёнокъ пошелъ; въ одинъ часъ смутилъ. Приходитъ онъ къ мужику этому: «Иванъ! ты незнаешь, что жена хочетъ съ тобой сдѣлать?»—Что? —«Она хочетъ тебя зарѣзать»! А къ женѣ приходитъ: «Марья? тебя мужъ любитъ»?—Любитъ.—«Возьми ты ножикъ, вырѣжь волосокъ изъ бороды, онъ еще больше будетъ любить тебя». Пріѣзжаетъ хозяинъ домой. «Ну, говоритъ, Марья, собери мнѣ пообѣдать!» Сейчасъ онъ пообѣдалъ, а она ножичекъ въ рукавъ всунула. Онъ и говоритъ: «Марья, поищи у меня въ головѣ». Вотъ онъ лёгъ, одинъ глазъ прикрылъ, а другимъ смотритъ. Она взяла ножикъ, хочетъ у него волосокъ изъ бороды вырѣзать. Онъ сейчасъ вскочилъ, давай её бить. «Ты, говоритъ, меня зарѣзать хотѣла».

Мужичекъ пошелъ и говоритъ: Господи! я ходилъ три года смущалъ, не могъ смутить; а жидёнокъ пошелъ, въ одинъ часъ смутилъ [3]). Эта сказка, представляющая сокращеніе своего западноевропейскаго источника, значительно разнится отъ другой, русской же народной сказки, повѣствующей о томъ же, но имѣющей иную литературную исторію. Къ этой сказкѣ *второй* и, какъ увидимъ, древнѣйшей редакціи мы и обратимся теперь.

Какъ выше было уже замѣчено, византійскихъ текстовъ «Судовъ Соломона», эпизодомъ которыхъ является нашъ сюжетъ, до насъ

---

[1]) П. В. Шейнъ. Матеріалы.... т. II стр. 135, № 61. Запис. Минск. губ. Борис. у. м. Холопечи А. Е. Богдановичемъ.

[2]) Мужичекъ,—хозяинъ, домовой, бѣсъ.

[3]) Худяковъ. Великорусскія сказки, выпускъ 2, стр. 131, № 78.

не дошло. Но слѣды ихъ существованія остались въ Толковой Палеѣ, книгѣ переведенной съ греческаго и составленной повидимому не ранѣе VIII вѣка. Несмотря на многочисленныя и строгія запрещенія, преслѣдовавшія различныя апокрифическія сочиненія, Толковая Палея, содержащая въ себѣ много дополненій, взятыхъ изъ апокрифовъ, считалась всегда въ числѣ книгъ истинныхъ [1]). Такимъ образомъ суды Соломона, входившіе въ составъ статей Палеи о Соломонѣ, безпрепятственно распространялись въ читающей средѣ.

Особенно, повидимому, приходилось читателямъ по вкусу умѣнье Соломона задавать и отгадывать загадки, чему въ древности придавали большое значеніе; онѣ были средствомъ испытанія мудрости. «Загадыванье загадокъ приписывалось большею частью личностямъ миоическимъ, для которыхъ однихъ доступны были таинственные вопросы» [2]). Отсюда понятно почему царь Соломонъ всегда былъ такъ извѣстенъ въ народной средѣ, являясь идеаломъ мудреца; отсюда же объясняется и распространенность различныхъ разсказовъ, стоящихъ въ связи съ его именемъ.

Старшій текстъ «Судовъ Соломона» мы имѣемъ въ Толковой Палеѣ 1494 г.; по мнѣнію акад. Н. С. Тихонравова редакція этой Палеи есть результатъ длинной литературной исторіи этого памятника на русской почвѣ [3]). Здѣсь мы находимъ всего восемь разсказовъ, но съ теченіемъ времени число ихъ увеличивалось, и въ спискахъ XVII вѣка мы находимъ ихъ гораздо больше.

«Если мы возьмемъ списки конца XV и XVI вѣковъ, говоритъ проф. А. И. Соболевскій, то увидимъ, что переводъ «Судовъ Соломона» не менѣе древній, чѣмъ переводъ сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ; мы находимъ въ немъ довольно много древнихъ словъ и синтаксическихъ оборотовъ: «раздрѣшеніе, раздрушити, онъсии (вотъ этотъ), не потаю тебѣ» и т. п. [4]). Нѣкоторыя слова, напр. питаніе въ значеніи вопросъ, свидѣтельствуютъ о южномъ переводѣ этого памятника.

---

[1]) Списокъ статей о книгахъ ложныхъ и истинныхъ см. у Н. С. Тихонравова. „Памятники отреченной литературы" 1863 г. I. стр. I и слѣд. Индексы книгъ сложныхъ въ цѣломъ рядѣ редакцій изданы А. Н. Пыпинымъ въ Лѣтописяхъ занятій Археографической коммиссіи 1862 г. т. I.

[2]) А. Н. Пыпинъ. Очеркъ литературной исторіи старинныхъ повѣстей и сказокъ русскихъ стр. 137.

[3]) Русскій Вѣстникъ 1862 г. январь, стр. 423.

[4]) Проф. А. И. Соболевскій. Древнерусская переводная литература. Спб. 1892 — 1893 г. литогр. изд. стр. 107.

Обратимся теперь къ древнѣйшей изъ извѣстныхъ намъ редакціи разсказа объ испытаніи жены, находящагося въ Палеѣ 1494 г.; этотъ разсказъ, являющійся кратчайшимъ изъ всѣхъ извѣстныхъ намъ, изданъ А. Н. Пыпинымъ.

Соломонъ прмудрый, хотѧ испытати женкы, и призва боярина своего, имя ему тнъ Декиировъ, и рѣ ему црь: „милъ ми єси велми и єще возлюблю тѧ пал, аще сотвориши волю мою, оубии жену свою, и дамъ за тѧ дщерь свою лутшюю". Тоже молви ѥму непоколко днии, и не хотѧше сѥ створити Декиръ, и па рѣ: «створю волю твою, црю». Црь же вда ѥмоу мечь свои, рекъ: „єгда усне жена твоя, усеци ей главу, да не обласъкаѥ тебѣ языком своимъ». Шедъ о, обрѣ свою жену спѧщю и посторонь ѥѧ двоѥ дѣтей. Онъ видевъ дѣти своя спѧща, рѣ на срци своє: «како ударю к подружье мечем, и росквелю дети мои». Црь возва и паки к собѣ, и рѣ: «створилі єси волю мою, є ти бѣ казалъ унежены [1])?»—Речѥ: «не могу, ги мои црю, створити».—Посла его црь во инъ градъ, и призва жену ѥго к собѣ и рѣ ей: «створи волю мою, ю ти реку; оже ти створиши, ю ти повелю, поставлю тѧ црцею: заколі мужа своѥ, спѧща на постели, а се ти мечь».—Отвѣщавши жена, рѣ: «рада, црю, како велиши». Соломонъ разумѣвъ мдртью своей моужа єѧ, и не хощѣ оубити жены своѧ, да ѥму мечь остръ, и разумевъ его женоу, и хощѥ оубити моужа своѥго, єда ей мечь прѣденъ [2]), зрѧщи и остръ ѥ: «мечѥ си оубии моужа своѥго на постели ѥго лежаща». И пришѥшю моужю ѥй и легшю ѥму спа, она же положи на груде мужа своѥ (мечь), и потре по горлу моужу своѥму, мнѧщи яко остръ ѥ, яко заколѥ и. Онъ сѧ восхапи скорзе, мнѧ и вразн некоторіи. И видевъ, яко жена ѥго дръжи мечь, и рѣ ей: «почто єси, подрує моя, подумала убити мѧ»?—Отвѣща жена мужеви своѥму, рѣ: «языкъ члвць обласка мѧ оубити тѧ».—Онъ хотѣ созвати люди, и разумѣ, яко научениѥ Соломонѣ ѥ. Соломонъ слышавъ, списа во зборникъ стихъ сѥ, и рѣ: «члка обретох в тысѧща, жены во всѥмъ мірѣ не обретох» [3]).

Въ полууставной Толковой Палѣе XVI вѣка тотъ же разсказъ

---

[1]) оунеженъ auferre. Miclosich. Lexicon paleosl.-gr-lat p. 1056.

[2]) Проденъ; ниже мы увидимъ: прутанъ. Весьма возможно, что въ позднѣйшей редакціи мы имѣемъ дѣло съ осмысленнымъ уже словомъ „прудянъ", вѣроятно отъ „пръдъ", названіе какого-то металла, всего скорѣе свинца. А. И. Соболевскій. Древнерусская перв. литература, стр. 112. Сравн. выше еврейскій разсказъ объ испытаніи жены изъ Betha-Midrasch.

[3]) Памятники старинной русской литературы, вып. III стр. 56, изъ Румянц. палеи. № 453, л. 332.

является уже значительно дополненнымъ и распространеннымъ. Отрывокъ изъ этой палеи, заключающій „Суды Соломоновы“ напечатанъ Н. С. Тихонравовымъ [1]). По этому изданію мы и приводимъ его для сравненія.

Посѣже цр҃ь Соломѡ҃ хотѧ испытати, что ѥ мысль моужска и женьскѣ. и приз҄ва нѣкоего ѿ велмож свой. моужа имене декира и рѣ ѥмоу наѥдинѣ милыи мои декире. аще хощеши всакой чти сподобитиса оу мене. и сътвори волю мою. и ѥще възл(юбл)ю та пл҃. и рѣ декирь. ѥлико велиши црю држава твоа то сътворю. и рѣ ѥмѹ цр҃ь возми мѣ мой. и оусѣкни ѥлавоу женѣ своей. юже ѡбѣтща ѥмоу и медлаше. имѣаже декиръ дѣтища два. и пакы рече ѥмоу цр҃ь. аще сътвориши волю мою дамъ за та женоу ѿ рода своѥго. дщѥ свою лѹчшюю. и сътворю въ државѣ цр҃тва моего. тако оувѣща ѥго цр҃ь по неколико дн҃и. декиръ же хотѧ ѥ сътворити. и медлаше. и пакы рѣ. сътвори волю твою цр҃ю. црьже дасть ѥмоу мечь свой. и рѣ ѥга оуснеть жена твоа. тогда оусѣкни ѥи главоу. да не ѡблаекаѥ тебе изыко своимъ. пришѥже декиръ. ѡбрете женоу свою. и с ней два дѣтища. юже видѣ дѣти своа спаща. помысли себѣ и рѣ. кл оударю в подроужїе свое мечѣ, смысли на мнозѣ и рѣ. аще женоу свою оусѣкноу чти рад црѣвы. и разквѣлю дѣти своа. и кто оуставить пл҃ младенцю семоу. или что ѡвѣщаю гоу боу моѥмоу. и ничтоже зла сътвори ей. и рѣ адеки. ѥне црю сего не мого сътворити. и ннѣ ѥне мечь твой прѣ тобою на главѣ моей. црьже не понеси ѥмоу ни с чѥже. и посла ѥго посолствомъ на ѥтраноу далечю. и приз҄ва женѹ ѥго к себѣ и рѣ. ты ѥси жена красна по воз҄рѣнїю моѥму. ѡна рече. что ѥсть ѥпу повелѣнїе твоѥ. сътворю. цр҃ь же рѣ. и сътвориши волю мою. то боудеши црца всемѹ моемѹ цр҃твоу. и поували ю много. и рѣ ѥи. ѥга прийде моу твой. и оупоивши ѥго вино. ѥгаже ти оуснеть на постели. тогда оусѣкни главоу ѥго. и да ти мѣ ѡстръ ѡна ѡвѣщавши рада ѥсмь црю сїе сътворити твое повелѣнїе. црьже разоумѣ мростью преже моужа ѥа ако не хощѥ оубити женѹ своѥа дасть ѥмоу мѣ ѡстръ. послѣдиже разоумѣ женоу. ако хощѥ оубити моужа своѥго дасть ей мечь прѹта. видѣнїеже зрашеса ако ѡстръ ѥсть рѣ ѥи. симъ мечѣ заколи моужа своѥго ѥпаща. ѡна взамши мѣ црѣвъ хранаше ѥго оу себа. ѥгаже прийде моу ѥа ѿ трѹда и ѥже ѿ вина оусноу на постели

---

[1]) Н. С. Тихонравовъ. Памятники отреченной литературы I., стр. 264—265.

своєи. женѧ съ дрьзновенїє мысль свою въспрїєши. взєшиже мє иже дѧ єи цр҃ь. наложи моужю своємоу на горло. мнѧще и ѩко ѡстръ є заколѣ єго. и влача сѣмо и ѡнамо хотѧше ѡрѣзати главоу. и не оуспѣ ничтѣ. ѡчютижеса моу єѧ. єстѧ въскорѣ мнѧщи ѩко грязи нѣкоторыє. и видѣвъ ѩко жена єго држжить мечь ѡбнаженъ. и рє єи декире. почто (почта) [1]) ѡроує сїє на мѧ оубити мѧ хоцеши. ѡвѣщавши жена моужю своємоу. изы члчкъ ѡбѣсти мѧ. ѩко оубити тѧ велѧ. ѡже хотѣ людеи съзвати. и разѹмѣ ѩко цра соломона наоучєнїє и испытанїє. и взє оу неи мє и разоумѣ ѩко проутѧ. видѣнїє же мнѧше ѩко ѡстръ. и подивисѧ премрости цря соломона. ничто злѧ не створи женѣ своє.

Кромѣ этихъ двухъ варіантовъ были конечно извѣстны и многіе другіе, но изъ всѣхъ ихъ наиболѣе интересуетъ насъ тотъ же разсказъ, приведенный какъ примѣръ непостоянства женской мысли, въ извѣстной и упомянутой нами «притчѣ о женской злобѣ» [2]). Въ «притчѣ» разсказъ гораздо живѣе и по языку носитъ характеръ произведенія переведеннаго съ западнаго оригинала и не очень давно—приблизительно въ XVII вѣкѣ. По подробностямъ этотъ разсказъ приближается скорѣе къ цитированному выше еврейскому талмудическому оригиналу этой повѣсти, чѣмъ къ переводу Палеи. Царедворецъ тамъ впрочемъ носитъ имя «Даркиръ», тогда какъ въ еврейскомъ разсказѣ онъ не названъ, но заключеніе разсказа, разговоры и выраженія дѣйствующихъ лицъ весьма сходны.

Теперь мы подошли въ изслѣдованіи литературной исторіи разсказа Палеи къ тому времени, когда онъ перешелъ изъ области книжной литературы въ народныя уста и, найдя подходящую почву,

---

[1]) Тихонравовъ отмѣчаетъ это мѣсто, какъ испорченное, и дополняетъ текстъ изъ списка XVI в. Троицко-Сергіевой Лавры № 256: полагаемъ, что можно для возстановленія смысла вычеркнуть слово почта [ ], являющееся ошибкой переписчика, повторившаго предъидущее слово съ инымъ окончаніемъ.

[2]) Памятники стар. русск. литер. II стр. 469—70. А. Н. Веселовскій въ цит. нами изслѣдованіи о Соломонѣ и Китоврасѣ (стр. 87 прим. I.) называетъ пересказъ помѣщенный въ „Притчѣ о женской злобѣ" риторическимъ. Слѣдуетъ замѣтить, что „риторизмъ" этотъ если и есть, то врядъ ли принадлежитъ русскому передѣлывателю. Почти всѣ выраженія, кажущіяся риторическими, мы уже находимъ въ прототипѣ разсказовъ этого рода въ еврейскомъ разсказѣ—Betha-Midrasch'a. Звуковая окраска нѣкоторыхъ словъ Соломоновскихъ легендъ оказывается чисто еврейской, напр.: шамиръ и т. п. Нельзя ли предположить и въ данномъ случаѣ болѣе чѣмъ случайное совпаденіе черть еврейскаго разсказа и русской его передѣлки?

прочно осѣлъ въ народной памяти. Пути перехода ясны;—они таковы же какъ и въ первомъ случаѣ. Весьма возможно, что разсказъ, цитированный нами по двумъ спискамъ Палеи, перешолъ въ народъ и не изъ нея, а ранѣе: въ Палею апокрифическія сказанія о Соломонѣ проникли уже на русской почвѣ: позднѣйшіе ея списки богаче апокрифическими разсказами чѣмъ древнѣйшіе; со своей стороны Толковая Палея быть можетъ не прямо послужила источникомъ заимствованія; вѣроятно и тутъ явились посредниками мелкіе сборники поучительныхъ разсказовъ, переписывавшіеся встарину въ огромномъ количествѣ любителями назидательнаго чтенія.

Вотъ этотъ разсказъ объ испытаніи женской мысли, женскаго постоянства, слышанный и записанный мною въ Тихвинскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи.

Разъ какъ-то оралъ мужикъ по новинѣ въ лѣсахъ. Оралъ, оралъ лошадь пустилъ покормиться, а самъ пошелъ кругъ нивы обойти. И видитъ онъ: подъ кустомъ лежитъ парень молодой, красивый, высокой, и спитъ крѣпкимъ сномъ, а къ нему подкрадывается медвѣдь; сломать его хочетъ. Мужикъ подскочилъ, разбудилъ и говоритъ: «смотри, братъ, вставай скорѣй, медвѣдь тебя хочетъ задавить!» Парень вскочилъ, медвѣдь ихъ обоихъ побоялся и убѣжалъ. Вотъ парень и говоритъ: «я тебѣ отплачу, мужикъ. Будешь здѣсь завтра орать?» — Буду. — «Такъ возьми съ собой человѣка, вѣрнѣй котораго нѣтъ въ семьѣ. Только про меня ничего ему не говори!» — Ладно, подумалъ мужикъ.

Пошелъ онъ домой; думалъ, думалъ, кого ему взять съ собо да и надумалъ: «кого», говоритъ самъ себѣ, «вѣрнѣй мнѣ взять Отца? — ужъ какой же онъ мнѣ вѣрной человѣкъ! Мать? — Да она тоже хороша! Оба они меня братьямъ, либо людямъ выдадут Возьму-ка я жену, кто у меня въ семьѣ вѣрнѣй ея!»

Поутру ладитъ идти на работу, да и говоритъ: «ладься и т хозяйка на ниву идти; я буду орать, а ты корчевье обирай».

Пришли. Самъ не столько оретъ, сколько на сторону поглядываетъ, парня высматриваетъ, не идетъ ли онъ. Орали, орали, в прягли, пообѣдали, — а парня все нѣтъ. Онъ и легъ отдохнут положилъ голову на колѣна женѣ и велѣлъ ей ему въ голо искать. Только это ищетъ она, подняла голову; глядь, а пер ней парень стоитъ: высокій, красивый, кудрявый, кровь съ комъ, румянецъ во всю щеку. Стоитъ онъ передъ ней, въ ру два мѣшечка держитъ: одинъ съ золотомъ, а другой съ сереб а самъ качаетъ головой и улыбается.

Посмотрѣлъ, посмотрѣлъ да и говоритъ: «Какой же у тебя мужъ-то худой»! А мужикъ-то и вправду былъ ледащій да невзрачный. Баба ему въ отвѣтъ: «Да вотъ ты и хорошій, да не мой»! — А кабы у тебя мужа-то не было, я-бъ тебя замужъ за себя взялъ. «Да я его зарѣжу, говоритъ баба»; хватилась — ножикъ тупой. «Дай-ко, говоритъ, мнѣ веревочку; я его удавлю». — Возьми сама, отвѣчаетъ парень.

Она спустила потихоньку съ колѣнъ мужнину голову, а онъ спитъ себѣ. Достала веревку, свернула глухой петлей, одѣла мужу на шею, одинъ конецъ парню подала, а другой — себѣ на руку, чтобъ не сорвалось, накрутила. «Тащи, голубчикъ, говоритъ; этакъ мы его въ петлѣ и задернемъ», и потянула. А парень и кричитъ: «вставай, пріятель! Вчера ты меня отъ смерти, отъ медвѣдя, спасъ, а сегодня я тебя — отъ жены! Вотъ мы и сквитались. Говорилъ я тебѣ: бери вѣрнаго человѣка, а ты — на жену повѣрился! Я тебѣ въ благодарность все это золото и серебро несъ, а теперь — дѣлать нечего, получи по пясточкѣ». И далъ мужику того и другаго по пясточкѣ. А былъ тотъ парень — врагъ лѣсовой, заключила разсказчица [1]).

Сравнивая теперь сказку, записанную нами, со всѣми сходными вышеуказанными разработками той же темы, мы ясно видимъ и можетъ опредѣлить ея происхожденіе. Сравнительно съ наиболѣе краткимъ и древнимъ изъ извѣстныхъ намъ текстовъ апокрифа мы наблюдаемъ слѣдующія измѣненія и отступленія. Наша сказка прежде всего лишена завязки. Испытаніе жены рѣшительно ничѣмъ не мотивировано, равно какъ не объяснено, почему жена осталась безнаказанной совершивъ покушеніе на жизнь мужа — что совершенно ясно и понятно въ апокрифѣ, гдѣ само испытаніе логически вытекаетъ изъ предшествовавшаго, являясь примѣромъ, подтверждающимъ прозорливость царя Соломона; безнаказанность жены въ апокрифѣ объясняется тѣмъ, что самъ царь Соломонъ запрещаетъ мужу наказывать легкомысленную жену. Эта отрывочность сказки, ея незаконченность сравнительно съ апокрифическими разсказами довольно ясно доказываетъ ея книжное происхожденіе.

Въ сказкѣ утеряны имена и обстановка дѣйствія; оно перенесено изъ царскаго дворца въ обычную обстановку русской кре-

[1]) Крестьянка д. Малой Будогощи Анна Павлова Пашникова 60 лѣтъ, неграмотная; слышала сказку въ дѣтствѣ, давно уже, когда, по ея словамъ, „всяки чуды бывали, и люди проще были“.

стьянской жизни. Вмѣсто царя Соломона и его вельможи Декира или Даркира (въ редакціи вошедшей въ Притчу о женской злобѣ) мы находимъ въ сказкѣ простаго крестьянина и лѣсоваго, и въ западной редакціи — чорта, злую женщину, жиденка. Намъ представляется не лишеннымъ вѣроятія предположеніе, что сказочный «жиденокъ» явился отчасти какъ реминисценція о національности и происхожденіи царя Соломона, тогда какъ «лѣсовой» нашей сказки является отраженіемъ Соломона же черезъ смѣшеніе или перестановку свойствъ его со свойствами его соперника—Асмодея-Китовраса. Подобная контаминація и, кажущіяся на первый взглядъ странными, замѣны именъ и положеній довольно обычны въ народной поэзіи.

Выше въ очеркѣ исторіи пѣсенъ о тонущей дѣвушкѣ мы видѣли подобную же замѣну водянаго западно-славянскихъ и нѣмецкихъ пѣсенъ—казакомъ въ пѣснѣ великорусской [1]). Подобную же замѣну и потерю именъ мы можемъ прослѣдить въ развитіи любой эпической темы, хотя бы сличая былины о князѣ Михаилѣ съ позднѣйшими пѣснями, разработывавшими ту же тему [2]), или изслѣдуя всѣ извѣстные варіанты пѣсень о неожиданномъ возвращеніи на родину пропавшаго мужа или жениха [3]).

Обратное явленіе—прикрѣпленіе странствующаго сюжета къ опредѣленному мѣсту и лицу также довольно обычно въ народной поэзіи.

Подводя итоги нашему изслѣдованію о литературной судьбѣ эпизода Судовъ Соломона объ испытаніи женской мысли, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Апокрифическіе Суды Соломона имѣли значительное вліяніе на русскую народную поэзію; между другими эпизодами въ народныхъ сказкахъ отразился и нашъ эпизодъ. Этотъ послѣдній настолько подошелъ по своему характеру къ народному міросозерцанію, развившемуся быть можетъ подъ вліяніемъ аскетически нравственныхъ идей заимствованныхъ изъ византійскихъ источниковъ, что отразился въ народной русской поэзіи въ двухъ видахъ:

1) въ сказкѣ по содержанію и складу явно заимствованной изъ Палеи Толковой, источника греко-византійскаго происхожденія,

---

1) „Библіографъ 1893 г. вып. 2—3. Современная русская народная пѣсня.

2) Срв. Пѣсни собранныя П. Кирѣевскимъ, вып. V, стр. 68 и слѣд.

3) Напримѣръ былина о Добрынѣ Никитичѣ и Алешѣ Поповичѣ, имѣющая громадный кругъ варіантовъ европейскихъ и восточныхъ.

извѣстнаго на Руси съ первыхъ временъ христіанства, или изъ отдѣльнаго перевода апокрифа, вошедшаго въ составъ Полеи;

2) въ сказкѣ заимствованной изъ западнаго источника чрезъ переводъ «Великаго Зерцала» или черезъ синодики, бравшіе часто изъ него свой повѣствовательный матеріалъ.

Сказка, являющаяся отраженіемъ разсказа Палеи, вѣрнѣе передаетъ содержаніе своего оригинала и духъ его, хотя и подъ своеобразной окраской. Западная редакція сказки, отличающаяся стремленіемъ болѣе наглядно объяснить цѣль испытанія, ушла значительно дальше отъ своего прототипа — византійскаго или, быть можетъ, непосредственно-талмудическаго.

II.

Братъ хочетъ жениться на сестрѣ.

Въ сказкахъ какъ и въ другихъ произведеніяхъ народнаго творчества на ряду съ литературными вліяніями отразились черты древняго быта той народности, среди которой они сложились и жили долгое время. Съ теченіемъ времени многія явленія отживали, терялись и забывались, выходя изъ живаго употребленія. Поэтому порой въ сказкахъ мы наталкиваемся на трудно объяснимыя съ перваго взгляда подробности, являющіяся по разслѣдованіи переживаніями древнѣйшихъ эпохъ. Эти подробности въ развитіи сюжета постепенно отходятъ на задній планъ и въ современномъ видѣ сказки кажутся какъ-то странно привязанными къ ея общей схемѣ, развивающейся вполнѣ самостоятельно и независимо отъ нихъ.

Подобное постепенное забвеніе основной черты сюжета сказки мы встрѣчаемъ въ цѣломъ рядѣ слѣдующихъ русскихъ народныхъ сказокъ, взятыхъ нами изъ сборника И. Худякова.

Въ сказкѣ «Дитя-волшебникъ», гдѣ весь интересъ сосредоточивается на чудесныхъ похожденіяхъ мальчика, обладающаго сверхъестественной силой творить чудеса, мы имѣемъ слѣдующее начало.

«Жилъ былъ царь, у него были сынъ и дочь. Вотъ онъ состарѣлся и говоритъ сыну: «любезный сынъ! Я скоро умру, то царствуй также какъ и я царствовалъ. Вздумаешь жениться, вотъ тебѣ перстень, по нему выбирай себѣ жену. А если не выберешь по этому перстью, то и не женись». Похоронивши отца поѣхалъ (онъ) искать себѣ невѣсту и объѣхалъ весь свѣтъ. Не могъ найдти невѣсты. Пріѣхавъ домой бросилъ онъ этотъ перстень на столъ.

Ушелъ онъ; стала сестра прибирать его комнату и увидала кольцо. «Разскажи, что такое, братецъ? Ты отъ меня не скрывалъ ничего, а теперь скрываешь, съ кѣмъ ты обручился кольцомъ?» — Нѣтъ, это отецъ мнѣ далъ перстень.—Она его и одѣла; онъ точь въ точь на руку пришелся. Братъ и говоритъ: «Ну, сестра, быть тебѣ моей женой!» — Какъ же говоритъ, это можно, чтобы братъ на сестрѣ женился? — «Стало быть, говоритъ, батюшка предвидѣлъ это». Онъ и сталъ все притѣснять ее: «будь моей женой!» Она все отговаривалась, наконецъ предложила ему слѣдующее: «Когда такъ, братъ, говоритъ, выстрой ты мнѣ на берегу моря домъ; я поживу тамъ; а потомъ выйду за тебя замужъ!» Выстроили домъ, она отправилась туда жить; взяла только одну дѣвку съ собой [1]).

Живетъ нѣсколько времени и видитъ: рыбакъ ловитъ въ морѣ рыбу. Она подзываетъ его къ себѣ, покупаетъ рыбу и посылаетъ ее брату, а сама съ помощью рыбака переправляется на другой берегъ моря, живетъ въ лѣсу, въ дуплѣ питаясь плодами. Ее находитъ и принимаетъ къ себѣ одна женщина. Наконецъ дѣвушка выходитъ замужъ за сына пріютившей ее женщины, за свинопаса, думая про себя: «лучше за свинопаса выйдти, чѣмъ за родного брата».

Далѣе разсказъ о ея судьбѣ прерывается и вниманіе разсказчика сосредоточивается на похожденіяхъ ея сына, мудраго ребенка, которыя связываютъ эту сказку съ Соломоновымъ цикломъ повѣстей [2]).

Сходное начало, также странно привязанное къ схемѣ сказки, мы находимъ въ томъ же сборникѣ въ сказкѣ изданной подъ заглавіемъ «Машка Сопливка».

Жила была царица; у ней были сынъ да дочь. И умирая оставила она сыну своему кольцо; «кому оно въ пору, говоритъ, будетъ, на той и женись!» Онъ ходилъ по всему свѣту: никому не въ пору кольцо. Приходитъ онъ домой и положилъ его на окошечко. Сестра пришла да и надѣла его: ей въ пору. Братъ увидалъ, говоритъ: «сестра, я на тебѣ женюсь! мнѣ, говоритъ, такъ и такъ мать приказала!» Она и говоритъ: «ну какъ же выйду я за тебя замужъ?» Убѣжала она, сѣла на дубъ въ дупло. Сидитъ въ дуплѣ. Бариновы

---

[1]) И. А. Худяковъ. Великорусскія сказки, вып. III, стр. 11, № 83.

[2]) Сравн. разсказы о дѣтствѣ ц. Соломона. А. Н. Веселовскій „Славянскія сказанія о Соломонѣ и Китоврасѣ“, стр. 51 и сл., также стр. 304 и слѣд.

дѣти пошли на охоту. Собаки увидали дѣвушку, залаяли, братья нашли ее и привели къ родителямъ. Послѣ разныхъ приключеній она выходитъ замужъ за одного изъ бариновыхъ сыновей [1]).

Очень близкое къ приведеннымъ мною выше является начало сказки того-же сборника «Переновое чудо», съ той лишь разницей что въ послѣдней хочетъ жениться не братъ на сестрѣ, а отецъ на дочери [2]).

Подобные эпизоды великорусскихъ сказокъ стоятъ далеко не одиноко въ народной поэзіи славянъ и сродныхъ имъ племенъ. Мы не можемъ пока указать на сказки, гдѣ бы являлся тотъ же эпизодъ, но въ пѣсняхъ онъ разработывается довольно часто и тема «братъ хочетъ жениться на сестрѣ» является одной изъ наиболѣе излюбленныхъ народомъ. Вообще же въ народныхъ славянскихъ пѣсняхъ очень часть разработываются сюжеты, гдѣ дѣйствующими лицами являются братья и сестры. Съ особенной любовью останавливаются на отношеніяхъ между братомъ и сестрой южнославянскія пѣсни. Въ русскомъ народномъ эпосѣ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ упоминается о бракахъ между сестрами и братьями, является разговоръ Ильи Муромца съ Соловьемъ-разбойникомъ, именно —

Возговоритъ Илья Соловейкѣ разбойнику:
«Што у тея дѣти во единой ликъ?»
Отвѣчаетъ Соловейко разбойничикъ:
«Я сына та выросшу, за нёво дочь отдамъ,
«Дочь ту выросшу, отдамъ за сына,
«Штобы Соловейкинъ родъ не переводился». [3])

Здѣсь мы находимъ лишь упоминаніе о какомъ-то обычаѣ, подтверждающемъ отчасти догадку о происхожденіи нашей сказки. Но въ народныхъ пѣсняхъ южныхъ славянъ мы видимъ болѣе, ясную связь съ нашимъ эпизодомъ. Вотъ болгарская пѣсня изъ сборника Шапкарева:

Мара макьа од белила вика:
«Ела, Марю, Марку 'леб да носиш;
«Марко коси ѓрава детелина»,
Мара майце потио говори:
«Леле мале, леле мила мале!
«Я не можем Марку'леб да носим;

---

[1]) Тамъ же, вып. II, стр. 70, № 55.
[2]) Тамъ же, стр. 68, № 54.
[3]) Пѣсни собранн. П. Кирѣевскимъ, вып. I, стр. 87.

«Мене Марко за сестра не брои,
«Нел ме брои пжрвна любовница;—
«Я си ойдох рано од зарана.
«Па однесох на Марко те ручок,
«И му рекох»: «добрю ютро, Марко,
«Добрю ютро, Марко, мили братко!»
«Онъ ми рече:—Дай Бог добрю, Маро,
— Дай Бог добро, Маро, пжрвна любна!— [1])

Сестра видимо далеко не согласна съ братомъ, такъ же какъ и въ великорусской сказкѣ; она боится даже насилія со стороны брата. Въ болѣе сложномъ видѣ является намъ та же тема въ словинской народной пѣснѣ, гдѣ преобладаетъ драматическій элементъ. Вотъ ея содержаніе: мать велитъ сыну гнать на пастбище воловъ и коней; онъ отказывается, говоря

Mati moja lüba.
Mati moja draga!
Naj sestrica žene
Pod goró visoko
Na zeleni travnik
Dva béla voliča
Dva čérna konjiča.

Сестра погнала ихъ на зеленый лугъ и до полуночи распѣвала пѣсни, такъ что лѣсъ звенѣлъ и отзывался. Мать, безпокоясь о дочери, посылаетъ провѣдать, что та дѣлаетъ въ лѣсу на зеленомъ лугу: братъ отправляется по порученію матери провѣдать сестру:

Vanek se je opraviâ,
Sablico pèrpasâ,
No šâ pod goro
Na zeleni travnik.

Придя къ ней онъ говоритъ ей слѣдующее:

«Sestrica, sestrica!
Kaj si češ ti raji —
Z menoj grèh vèiniti,
Al pa mèrtva biti?»

На подобное предложеніе сестра, какъ и въ цитированныхъ выше народныхъ произведеніяхъ, отвѣчаетъ:

---

[1]) Сборникъ отъ български народни умотворения; събралъ и издава К. А. Шапкаревъ 1891 г. София. ч. I, отд. IV, кн. V, стр. 28, № 511.

— Bratek moj predragi,
Bratec prelibleni!
Raj čem mèrtva biti,
Kak z toboj grèh včiniti.—

Братъ отрубаетъ сестрѣ голову и бросаетъ ее въ лѣсу. Возвратившись домой, на вопросъ матери, что дѣлаетъ ея милая дочь, убійца отвѣчаетъ, что она рветъ бѣлыя и красныя розы на зеленомъ лугу [1]).

Всѣ подробности въ развитіи темы намъ кажутся случайными; общее же положеніе дѣйствующихъ лицъ, какъ въ сказкахъ такъ и въ приведенныхъ славянскихъ пѣсняхъ, тожественно. Наиболѣе близкой къ первоначальному типу пѣсни, который мы можемъ предполагать лишь гипотетически, является латышская пѣсня, сообщаемая г. Вольтеромъ. Вотъ она:

Oi dīweń, kū darīt!
Grib man jimti brōleľen.
Mauču sawu gredzeńiń
Zalės nīdres wersaunītės.
Koru sowu wainuceńu
Boltes pučes galenâ.
Līnu pošâ azarâ.
Raudiwēšu pulćińâ.
Lobōk beušu raudiwēte.
Na brōľeńi ľaudoweń [2]).

«Ахъ Боже, что дѣлать! Хочетъ жениться на мнѣ братецъ. Колечко свое надѣну на верхушку зеленаго камыша. Повѣшу свой вѣночекъ на кончикъ бѣлаго цвѣтка. Сама брошусь въ озеро въ стадо уточекъ. Лучше буду уточкою чѣмъ женою брату».

Эта пѣсня поется во время свадьбы вмѣстѣ съ другими пѣснями, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является братъ невѣсты. Она отличается наибольшей простотой изо всѣхъ приведенныхъ нами славянскихъ разработокъ нашей темы.

Общая схема разсмотрѣнныхъ нами сказокъ и пѣсенъ такова:

1) братъ желаетъ жениться на сестрѣ;

2) сестра отказывается исполнить его желаніе и

---

[1]) Stanko Vraz, Narodne pesni ilirske, koje se pèvaju po Štajerskoj, Krajnskoj... v Zagrebu. 1839. I, str. 84—87.

[2]) Э. А. Вольтеръ. Матеріалы для этнографіи Латышскаго племени Витебск. губ. Спб. 1890 I, стр. 191, № 62. (Зап. Имп. Русск. Геогр. Общ. по отд. этногр. т. XV, в. I).

3) предпочитаетъ смерть (отъ руки брата или даже топится въ озерѣ; въ русской сказкѣ—убѣгаетъ и предпочитаетъ выйти замужъ за свинопаса).

Теперь является вопросъ, чѣмъ объяснить возникновеніе подобныхъ пѣсенъ въ народной средѣ; имѣемъ ли мы въ нихъ рядъ воспроизведеній случайныхъ явленій или даже просто игру фантазіи? Знакомясь съ исторіей брака, мы приходимъ къ убѣжденію, что оба эти предположенія несправедливы. Для уясненія этого обратимся къ фактамъ исторіи брака.

Оставляя въ сторонѣ ту эпоху, когда господствующимъ видомъ было безпорядочное брачное сожитіе, перейдемъ къ болѣе позднему періоду, когда женщина стала достояніемъ лишь своего рода, который могъ пользоваться ею, какъ пожелаютъ его члены. На этой стадіи развитія брака, какъ и на предыдущей, мы находимъ полное презрѣніе къ узамъ родственнымъ: объ этомъ говорятъ какъ литературные памятники, такъ и переживанія. Въ древнѣйшемъ памятникѣ индійской поэзіи, въ Ригъ-Ведѣ въ гимнѣ Агни 10 кн. (гимнъ 3, ст. 3) мы читаемъ: «блистательный прибылъ сопровождаемый блистательною, за *своею сестрою* (зарею) *слѣдуетъ* сзади *любовникъ*». Далѣе тамъ же одно изъ божествъ Пушанъ называется любовникомъ своей сестры (гимнъ IV, 54, 4) [1]) Видимо эти метафоры сложились, когда еще не чувствовалась ненормальность связи съ сестрой. Многіе путешественники сообщаютъ различные примѣры того, что понятіе о грѣховности сожитія при существованіи родства чуждо многимъ дикимъ народамъ. «Когда американскіе миссіонеры впервые посѣтили Сандвичевы острова (1820 г.) они застали здѣсь слѣдующій общественный строй: браки между братьями и сестрами были общепринятымъ обычаемъ» [2]). Гавайтяне до послѣдняго столѣтія не принимали въ расчетъ никакихъ родственныхъ отношеній при сожительствѣ съ женщинами [3]). Обращаясь къ племенамъ и народамъ болѣе культурнымъ мы находимъ сожитіе съ сестрами явленіемъ обычнымъ у древнихъ. По Діодору египетскіе цари обязаны были жениться на своихъ сестрахъ; подобный же обычай находимъ у Карійцевъ;

---

[1]) Всев. М. op. cit. стр. 18.

[2]) Истор. Вѣстн. 1885 г. окт. стр. 168.

[3]) Giraud-Teulon, professeur de philosophie de l'histoire à l'univ. de Genève: „Les origines de la famille 1874. стр. 96. Масса матеріала и литература указана въ позднѣйшемъ его трудѣ: „Les origines du mariage et de la famille". 1884.

у Персовъ по предписанію Зороастра, у владѣтелей на Мадагаскарѣ [1]) у перуанскихъ инковъ, о чемъ свидѣтельствуютъ испанцы, занявшіе ихъ владѣнія [2]). Если мы будемъ имѣть въ виду, что люди переносили характеръ своей жизни и обычаевъ на свои божества, то намъ ясно будетъ происхожденіе такихъ связей и въ германской классической миѳологіи.

Въ Аоинахъ бракъ между братомъ и его единокровной сестрой считался дозволеннымъ [3]). Въ предѣлахъ Россіи, въ наше время у пермяковъ «родство нисколько не служитъ препятствіемъ къ браку. Говорятъ, что случаи сожительства братьевъ съ сестрами зачастую встрѣчаются между пермяками, обитающими въ глухихъ, отдаленныхъ починкахъ», говоритъ Н. Добровольскій. [4]) Въ глубокой древности, когда кровосмѣсительный бракъ не являлся чѣмъ-то грѣховнымъ, ненормальнымъ, у индусовъ даже два понятія—братъ и мужъ обозначались однимъ словомъ: «слово bhrâtar—братъ, защитникъ, по корню и суффиксу тоже, что bhartar—мужъ; «едва ли мы ошибемся, говоритъ Всев. Миллеръ, если объяснимъ тожество словъ первоначальнымъ тожествомъ понятій: слово было создано еще въ тѣ времена, когда братъ могъ становиться мужемъ сестры и лишь впослѣдствіи, когда индусы отвернулись отъ древняго обычая, сохраненнаго однако эранскимъ народомъ, понадобилось видоизмѣнить слово и чрезъ незначительную звуковую перемѣну образовалось слово bhartar, которое было уже исключительно усвоено для «мужа» [5]). Съ теченіемъ времени бракъ между близкими родственниками, а въ частности между братьями и сестрами былъ найденъ неудобнымъ. Этотъ переворотъ, конечно, не былъ внезапнымъ и случалось, что въ одномъ и томъ же народѣ одновременно существовали брачныя связи между родственниками и лицами не находящимися въ родствѣ. М. Ковалевскій, послѣ ряда соображеній, полагаетъ, что запрещеніе браковъ между единоутробными родственниками должно быть отнесено къ отдаленнѣйшему періоду исторіи [6]). Дѣйствительно на ряду съ цитированными

---

[1]) Всев. Миллеръ. Очерки Арійской миѳологіи въ связи съ древнѣйшей культурой. Асвины-Діоскуры М. 1876. гл. I стр. 23.

[2]) Giraud-Teulon. op. cit.; рефератъ о его трудѣ Е. Гаршина въ Истор. Вѣсти. 1885 г. окт.

[3]) М. Ковалевскій. Первобытное право I, стр. 142.

[4]) Вѣстникъ Европы 1883 г. апрѣль, стр. 565.

[5]) Всев. М. op. cit. I, стр. 21.

[6]) М. Ковалевскій op. cit. I, стр. 116.

выше гимнами Ригъ-Веды мы находимъ тамъ же гимнъ, въ которомъ изображается разговоръ брата съ сестрой: сестра требуетъ, чтобы братъ вступилъ съ нею въ связь, но братъ отказываетъ ей въ этомъ [1]).

Любопытное явленіе мы наблюдаемъ въ жизни австралійскихъ дикарей Камиларои, которые дѣлятся на двѣ группы, причемъ въ бракъ вступаютъ мужчины первой съ женщинами второй и наоборотъ; браки же внутри каждой группы—запрещены. Этотъ обычай установленъ съ цѣлью помѣшать половому общенію близкихъ родственниковъ какъ говорятъ и сами Камиларои, разсказывающіе по этому поводу слѣдующее: «по сотвореніи міра братья и сестры безпрепятственно вступали между собою въ браки, до тѣхъ поръ пока не обнаружились дурныя послѣдствія такихъ браковъ и совѣтъ старѣйшинъ не счелъ нужнымъ принять мѣры противъ нихъ. Добрый духъ приказалъ старѣйшинамъ раздѣлить народъ на группы и воспретить въ средѣ ихъ браки, дозволивъ членамъ одной вступать въ бракъ съ членами другой группы [2]). Наряду съ такимъ стремленіемъ въ средѣ самого народа положить предѣлъ свободѣ общенія, мы у европейцевъ наблюдаемъ также вліяніе церкви, старавшейся обуздать эту свободу. Въ средніе вѣка, (V в.) на одномъ изъ помѣстныхъ соборовъ во Франціи были установлены правила, запрещающія браки между братьями и сестрами [3]).

Такъ какъ подобныя явленія повторялись и позже, то становилось необходимымъ воздѣйствовать устрашающимъ образомъ на паству и вотъ уже въ сравнительно позднемъ памятникѣ западной аскетической литературы въ Speculum Magnum (Великое Зерцало) мы встрѣчаемъ примѣръ указывающій на грѣховность сожитія съ сестрой. Вотъ что мы читаемъ въ Великомъ Зерцалѣ, уже цитированномъ нами въ предыдущемъ очеркѣ: «днесь же дѣтище въ гишпаніи утопенъ и осужденъ будетъ: осми лѣтъ сый с сестрою своею сотвори грѣхъ нечистый иже аще и дѣла не сконча, обаче початокъ злому дѣлу содѣла» [4]).

---

[1]) Всев. Миллеръ op. cit. I, стр. 18—20. (Ригъ-Веда, 10 кн., 10 гимнъ) авторъ на стр. 21 дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе: оставляя въ сторонѣ толкованіе Рота и М. Миллера, замѣтимъ, что кто бы ни были Яма и Ями—они прежде всего братъ и сестра, и гимнъ ясно затрогиваетъ вопросъ о бракѣ между такими родственниками.

[2]) Kamilaroi and Kurnai, 1880 Melbourne. p. 25. М. Ковалевскій. Первобытн. право. I, стр. 110.

[3]) М. Ковалевскій. Первобытное право II стр.

[4]) Великое Зерцало по списку Импер. Публ. Библіотеки. Бусл. Собраніе № 124 л. 111.

Изъ краткаго обозрѣнія этихъ немногихъ фактовъ, число которыхъ въ общемъ является весьма значительнымъ, мы можемъ убѣдиться въ томъ, что славянскія и латышскія пѣсни о покушеніи брата жениться на своей сестрѣ стоятъ далеко не одиноко, а примыкаютъ къ цѣлому ряду подобныхъ произведеній. Въ этихъ пѣсняхъ отразились не случайныя явленія, а переживанія, дошедшія до насъ изъ глубины вѣковъ. Еще болѣе утверждаетъ насъ въ этомъ то обстоятельство, что и у славянскихъ историковъ мы находимъ свѣдѣнія, подтверждающія наше мнѣніе. Maciejowski сообщаетъ слѣдующее извѣстіе о бракахъ у славянъ, извлекая его изъ житія св. Адальберта: «*populus miscebatur cum cognatis* et sine lege cum uxoribus multis [1]) Несомнѣнность существованія подобнаго сожитія съ сестрами у насъ на Руси подтверждается помимо вышеприведенныхъ сказокъ и былины еще тѣмъ обстоятельствомъ, что составители весьма распространенныхъ народныхъ картинъ не преминули включить въ число караемыхъ на страшномъ судѣ грѣшниковъ тѣхъ, которые жили съ сестрами: на картинахъ страшнаго суда творившіе «блудъ съ попадьями, съ старицами, съ просфирнями и съ кумами и *съ сестрами*—повѣшены въ огнѣ за хребетъ» [2]).

Имѣя столько фактовъ мы теперь врядъ ли можемъ отрицать существованіе у русскихъ славянъ той степени брачныхъ отношеній, которыя являются переходными отъ безпорядочнаго общенія къ индивидуальному браку. А ознакомившись съ исторіей развитія брачныхъ отношеній у человѣка вообще мы и можемъ дать правильную оцѣнку и мѣсто сказкамъ, послужившимъ основаніемъ въ нашемъ розысканіи. Въ нихъ мы имѣемъ отраженіе давно минувшихъ и исчезнувшихъ, быть можетъ и подъ вліяніемъ церковно-христіанской среды, обычаевъ и для насъ теперь ясенъ ихъ источникъ. Что же касается взаимныхъ отношеній южнославянскихъ пѣсенъ, то быть можетъ онѣ восходятъ къ общему оригиналу, но намъ кажется, что вѣрнѣе всего подобныя пѣсни, какъ и великорусскія сказки, возникли самостоятельно подъ вліяніемъ сходныхъ условій быта.

---

[1]) М. Ковалевскій. Первоб. право. II. М. 1886. стр. 3.

[2]) В. Сахаровъ. Эсхатологическія сочиненія и сказанія въ древнерусской письменности и ихъ вліяніе на народные духовные стихи. Тула. 1879. стр. 67; Ѳ. Буслаевъ, очерки народной слов. и искусства I и II, также въ статьѣ о лубочныхъ книгахъ Снегирева (Валуевскій Сборникъ).

